

Отзыв официального оппонента
о диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук
Линь Гуаньцюн на тему: «Этноментальность как предмет изображения в
художественной прозе русской эмиграции
(Харбин, 1920-е–1930-е годы)»
по специальности 10.01.01 – «Русская литература»

Активное исследование литературы русского зарубежья насчитывает около тридцати лет. При этом больше внимания уделялось европейской ветви русской эмиграции. И хотя дальневосточная ветвь тоже не раз становилась объектом исследований, все же общая картина существования и развития литературы русского Китая ещё требует новых и новых подходов.

Диссертационная работа Линь Гуаньцюн – это попытка увидеть литературу харбинской диаспоры под новым углом зрения: как воспринималась русскими писателями не только жизнь китайцев и других народов дальнего востока, но так же их – не похожий на русский – национальный образ мира. Важность темы Востока для прозаиков русского Китая объясняет актуальность диссертационного сочинения Линь Гуаньцюн. Тем более, что подобное исследование вносит новые краски и в само понимание ориентализма, столь важную роль игравшего в русской культуре. Новизна же настоящего исследования касается не только особенностей изображения китайской ментальности русскими писателями, но и различием подходов в этом изображении выбранными для анализа авторами. В центре внимания исследователя – культура, религиозные ценности, этические нормы, языковые особенности, общение народов. И поскольку все эти стороны жизни не могли не отразиться и на самих писателях, то - в определенном смысле речь - идет и диалоге разных культур. В диссертации проза Н.А. Байкова, П.В. Шкуркина, Б.М. Юльского рассмотрена как художественный опыт объективного познания незнакомого мира.

Первая глава диссертации вводит нас самый контекст проблемы, показывает как воспринимали китайскую ментальность русские писатели XX в. При этом учитывались и те исторические условия, при которых формировалось восприятие китайцев и всего Китая в русской литературе 1920-х–1930-х гг. Особое место уделено вопросу формирования русской диаспоры в Харбине, а также особенностям художественного освоения китайского образа мира русскими писателями.

Перспективен для исследования русской литературы 1920–1930-х годов вывод Гуаньцзюнь о широком тематическом диапазоне написанных в Харбине произведений, посвященных китайской ментальности, при относительно ограниченной тематике в произведениях, созданных в СССР. Для подтверждения этого положения привлечены произведения М. Булгакова, О. Мандельштама, В. Маяковского, Б. Пильняка, А. Платонова, С. Третьякова и др. При этом отмечено, что помимо преобладающих тем (участие китайцев в Гражданской войне, их причастность к теневой жизни города в метрополии) был все-таки проявлен интерес и к традиционной культуре китайцев, о чем сказано на страницах диссертации, посвященных Я. Друскину и М. Пришвину, а также поэтам Серебряного века.

Вторая глава исследования посвящена творчеству П.В. Шкуркина, циклам его рассказов «Хунхузы» и «Игроки». Диссертант сразу дает широкий контекст для анализа произведений выбранного прозаика. Это и некоторые вехи его биографии, и образ благородного разбойника в мировой литературе, без которого будет неясен образ хунхуза у разбираемого писателя, и установка Шкуркина писать невыдуманные истории, его близость к жанру очерка. При многочисленных наблюдениях автора диссертации хотелось особо выделить одно, самое важное: образ хунхуза у русского писателя-дальневосточника получился более объемным, нежели у других авторов. Хунхузу у Шкуркина – как и у других авторов - присуща жестокость. Но рядом с грабежом и убийством читатель обнаруживает и верность собственному слову, и рыцарское отношение к женщине, и невозможность совершить предательство. Эта многомерность в

изображении определенного этно-культурного типа продиктована и стремлением писателя к невыдуманности, и хорошим знанием предмета, и принадлежностью к определенной культуре, где уже упомянутый образ благородного разбойника тоже становится предпосылкой к такому разнообразию в обрисовке «хкнхузничества».

При изображении другого этно-культурного типа, образа «игрока», Шкуркин проявил ту же многомерность: с одной стороны – охваченные азартом люди, способные дойти до убийства, а так же хозяева игорных заведений с весьма темным прошлым, с другой – те каноны китайского мироощущения, которые заданы даосизмом, буддизмом и – особенно – конфуцианством. Хотелось бы отметить внимание автора диссертации к сюжетам рассказов Шкуркина, выявление характерных мотивов, а также подробный анализ использования пиджина у русского писателя для более точного воссоздания изображаемого им мира.

Третья глава исследования посвящена прозе Б.М. Юльского. Этот писатель подходит к изображению китайского образа мира иным способом. «Возвращение г- жи Цай», «Путь дракона», «След лисицы» – рассказы, где с особой силой прозвучала тема оборотничества. Образ самих оборотней (крыса, дракон, лисица) у Юльского в большей мере соответствует китайской мифопоэтике, хотя «эхо» европейского восприятия этих образов иной раз и можно здесь различить. Прийти к такому выводу помогает сопоставление Юльского с известными русскими и европейскими писателями, для которых важна фантастическая и мифологическая составляющая их произведений (Э.Т.А. Гофман, Н.С. Гумилев, А.С. Грин, М.И. Цветаева, Е.И. Замятин, Е.Л. Шварц и др.), а так же учет китайского культурного контекста. Подобный анализ дает возможность поставить вопрос о том, насколько Юльскому была известна проза известнейшего китайского новеллиста Пу Сунлина.

Четвертая глава диссертации посвящена творчеству Николая Байкова, из всех выбранных для анализа писателей – самого известного. Главным произведением, на котором сосредоточился автор исследования, стала повесть «Великий Ван». В

первом разделе, помимо небольшого исторического введения в творчество Байкова, выделены и объяснены ключевые образы, которые играют важную роль в создании единого образа тайги. Это солнце и его энергия, это многообразная растительность, из которой особенно выделен образ кедра (для китайского образа мира это дерево символизирует силу и крепость природного мира, – примерно так же, как дуб символизирует эти качества для европейца). Образ кедра явно соотносится с образом тигра (приговоренных к казни привязывают к кедру, отдавая их зверю на расправу) и с птицей Цяор (в неё вселяются души тех, кто погиб в лесу). Так в китайском мифологическом сознании связаны два мира – реальный и внеземной; сам Кедр здесь обретает магический смысл. Образы иных обитателей тайги, зверей и птиц (медведь, кабан, горал, барсук, сойка, сорока и т.д.), писатель наделяет чертами, свойственные человеку (в мыслях, в поведении). Остановившись на характерных эпизодах, автор диссертации подводит к важному выводу, что тайга у Байкова – это природный социум, здесь звери и птицы живут и взаимодействуют подобно человеческому сообществу.

Второй раздел касается уже непосредственно важнейших для повести мифопоэтических образов – тигра («Великий Ван»), дракона (землетрясение – это действие Великого Дракона), лотоса (буддийский символ перерождения, святости, чистоты). Три мифологемы (тигр, лотос, дракон) рисуют определенный миропорядок, который соответствует культу Горного Духа у китайцев, а вся образная система повести соотносится с тем представлением о мире, которое открывается в даосизме, конфуцианстве и буддизме, включая идею перевоплощения живых существ в новые и новые формы.

Третий раздел этой главы посвящен анализу образа «Великого Старика», который воплотился в произведениях русских писателей, посвященных Дальнему Востоку: Дерсу Узала у В.К. Арсеньева, Лувен у М.М. Пришвина и Тун-Ли у Н.А. Байкова. Этот образ связывает множество тем: природа, как единый организм; Великий Старик, как представитель человечества, способный вписаться в природный космос; природная мудрость в поведении такого Старика, его гармоничное существование в окружающем мире; его понимание не только связи

человека с природой, но и родственной связи между всеми людьми. Кроме того, этот образ затрагивает и тему противостояния природы и цивилизации, тему наступления технократического мира на мир заповедный.

Хочется обратить внимание на продуманность композиции представленной диссертации. Последовательность глав согласуется не с хронологией появления произведений и не с возрастом писателей (Шкуркин – старший из них, Юльский относится к младшему литературному поколению). Автора больше интересуют особенности самого их подхода к изображению китайского образа мира. Шкуркин – реалист в самом привычном понимании этого слова. Юльского – в согласии в более поздней терминологией – можно отнести к «магическим реалистам». В повести Байкова присутствуют и тот, и другой подход. Т.е. в «Великом Ване» сочетается и почти натуралистическое изображение героев из царства зверей, и, вместе с тем, здесь перед нами предстает «мифологизированная» реальность. Таким образом, эти три автора воссоздают разные стороны этноментальности дальневосточных народов (по преимуществу – китайцев), что придаёт очевидную полноту и самому исследованию.

Важной составляющей анализа текстов стал и особый интерес к лексике, которая рассматривается в диссертации как этнографическая образность. Гуаньцюн систематизирует семантику активно используемых (особенно Шкуркиным) пиджинизированных слов, описывает табуизированные и мифологизированные слова и словосочетания, интегрированные в речь китайцев русские просторечия. Рассмотрены китайские слова, органично и прочно вошедшие в лексикон русских писателей (например, А. Несмелова, М. Колосовой). Оговариваются повествовательные функции китайских пословиц. Показана коммуникативная роль лексики из европейских языков, показательной для Шанхая.

Поставленные задачи диссертантом выполнены. Линь Гуаньцюн систематизировала особенности восприятия жизни «других», запечатленные в произведениях Н.А. Байкова, П.В. Шкуркина, Б.М. Юльского. Выбранные для анализа произведения по своему содержанию и художественной специфике во

многим дополняют друг друга. Как следует из положений диссертации, в прозе русских харбинцев была достигнута полнота художественного освоения «чужого» мира. Линь Гуаньцюн обратилась к произведениям, в которых непредвзято представлены социальные, исторические, религиозные факторы бытия китайцев, их повседневная жизнь, их мифопоэтика. Герменевтический подход к текстам сопровождается широким контекстом, определены сходства и отличия в содержании прозы Байкова, Шкуркина, Юльского и произведений писателей России, Китая, Западной Европы. Высказаны важные предположения об источниках образов. Диссертация является самостоятельным и завершенным научным исследованием, актуальным по проблематике и отличающимся научной новизной. И всё же, делая такой вывод, нельзя не высказать и некоторые замечания.

Несомненно желание автора диссертации воссоздать и европейский культурный контекст (например, образ «благородного разбойника» от Робин Гуда до пушкинского Дубровского), и китайский (например, классический китайский роман «Речные заводи» или прозу Пу Сунлина). Здесь ощутимо стремление Линь Гуаньцюн к наибольшей полноте контекста. Вместе с тем, именно эта область требует ещё большего расширения, чтобы и общая картина развития литературы была более представительной. Близость прозы Юльского к особому рода фантастике, к «магическому реализму», заставляет вспомнить и такой вариант этого рода литературы, как романы Сергея Клычкова, а в список литературы, где важную роль играют образы оборотней, из более поздних авторов стоило бы вписать не только прозу Ю. Мамлеева и В. Пелевина, но и повесть «Белка» Анатолия Кима. Важным контекстом для понимания рассказов Шкуркина могут стать и другие его книги. В «Китайских легендах» он, например, обращается не только к собственно китайским преданиям, но и к маньчжурским, и даже к тибетским, что говорит об особом «панорамном» зрении этого писателя, которое, кстати, и позволило ему более объемно увидеть образ хунхуза. А одна глава этой книги («Больная нога» из цикла, посвященного знаменитым врачевателям) может быть соотнесена и с той частью исследования прозы Шкуркина, где говорится об «игроках». И пусть в «Китайских легендах» это всего лишь игра в шашки, но

автор здесь все-таки затрагивает и тему неодолимости игры. Ещё в большей мере это касается книг Николая Байкова. Его работа «Маньчжурский тигр» (1925) – один из лучших возможных комментариев к повести «Великий Ван», поскольку описывает и повадки тигра, и народные поверья, связанные с ним. А в книге «В делях Маньчжурии» (1934), богато иллюстрированной, есть даже изображение того узора полос на голове тигра, которые прочитываются как два иероглифа (у Байкова – «Ван» и «Да», у Линь Гуаньцюн – «Ван» и «Дэ»), которые обозначают ключевое для повести выражение «великий князь» (т.е. – «Великий Ван»).

Хотелось бы так же заметить, что тема «хунхузничества», о которой подробно говорится при обращении к прозе Шкуркина и Юльского, почему-то почти не прозвучала при разговоре о Байкове, хотя и этот прозаик посвятил теме немало страниц, – см. отдельные рассказы в книгах «Деля Маньчжурии» (1934) и «У костра» (1939).

Вместе с тем, указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 10.01.01 – «Русская литература» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Содержание автореферата соответствует положениям и выводам диссертации. Они изложены в шести статьях; пять из них опубликованы в рецензируемых научных журналах, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова, а также в докладах на международных конференциях (2019–2021).

